

Глава первая

Оказавшись в пятницу на излете дня в метро, радуешься, если удастся сохранить пространство толщиной с листок бумаги между телами соседей, практически слипшимися, прижатыми друг к другу, словно моллюски. Но все же испытываешь чувство облегчения посреди волн резких запахов мяса, чеснока и алкоголя, исходящих от соседей по вагону: ведь это означает, что наступил конец рабочей недели. И на мгновение отключается экзистенциальная тревога о том, будет ли у тебя через год, через месяц или даже через неделю повод снова спуститься в метро в час пик.

На очередной станции двери раздвинулись, выплеснув наружу поток трудящихся, и она вошла в вагон, влившись в общую усталость, суету и желание поскорей оказаться дома, где можно наконец бросить измученное тело на кровать.

Седые волосы женщины прикрывала фетровая шляпка цвета слоновой кости. Еще на ней были блузка с неброским цветочным узором, льняной плащ хаки классического

покроя и черные брюки-дудочки. Облик завершала средних размеров коричневая сумочка. На вид женщине было лет шестьдесят пять, хотя, если судить по глубине и количеству морщин на лице, можно было дать и все восемьдесят.

Ни ее поведение, ни одежда не обращали на себя особого внимания. Если кто-нибудь на долю секунды и выделил бы ее в толпе таких же пожилых пассажиров метро, то только случайно. Например, нищий наткнулся бы на нее, оглядывая верхние полки в поисках старых газет, которые он собирал, переходя из одного вагона в другой. Или если бы она, облаченная в мешковатые фиолетовые штаны в горошек и резиновые тапки, плюхнула бы посреди прохода огромный мешок, воняющий имбирем и свежесжатым кунжутным маслом, при этом громко заявив: «Ох, спина болит!», а потом заставила бы кого-нибудь подняться и уступить место, да еще и подтащить ее скарб к сиденью. Впрочем, причина могла быть и другой. Все бы наверняка устали на нее и не отрывали взгляда, пока она не покинет вагон, будь у нее не аккуратная стрижка с завивкой, как подобает пожилой женщине, а седые распущенные патлы длиной до пояса, неумело запудренные пигментные пятна и подведенные нетвердой старческой рукой глаза. Или, что еще хуже, если бы она накрасилась ярко-красной помадой и нацепила костюм в пастельных тонах с мини-юбкой.

Само существование пожилых граждан первого типа вызывает в окружающих отвращение, но вот второй тип стариков настолько неуместен в приличном обществе, что попросту оскорбляет наблюдателей. Однако, к какому типу ни относится старик, особой разницы нет: люди попросту не желают о нем думать.

В этом смысле вошедшая в вагон женщина служила идеальным примером пожилого гражданина: она выглядела благо нравно, достойно и почтенно. Вместо того чтобы с громкими стенаниями вцепиться в вертикальный поручень у дверей, скрючившись в три погибели, она сразу направилась в конец вагона к сиденьям, предназначенным для пожилых, хотя все места там и были заняты.

Она не стала жаловаться на грубые манеры нынешних юнцов и не возмущала молодых своим видом, будучи одета в полном соответствии с возрастом: от шляпки до обуви. Не слишком модная, но достойная одежда, которая могла быть куплена на рынке Тондэмун, в соседней лавке или на распродаже в супермаркете. Женщина не горланила песни с красным от выпивки лицом, сунув бутылку в карман походной куртки или спортивного рюкзака. Она, словно актер массовки, незаметно вписалась в картинку, будто всегда тут и была: заботливая пенсионерка, которая мечтает посвятить оставшиеся годы уходу за внуками,

доживая свой век в соответствии с въевшейся в кости привычкой к экономии.

Окружающие продолжили сидеть, уставившись в экраны телефонов, отгородившись от происходящего наушниками и покачиваясь на бесконечной волне вместе с остальным человечеством. Они моментально забыли о том, что среди них появился человек преклонного возраста: они изъяли пассажирку из своего сознания как явление неважное, вторичное. А то и вовсе ее не заметили.

На очередной остановке сошел старик с палкой — он так кашлял, словно старался извергнуть наружу все внутренности, — и женщина села на освободившееся место. Она надвинула шляпку пониже и достала из сумочки карманную Библию в переплете из искусственной кожи. В вагоне метро никого не удивишь видом пожилой женщины, читающей Библию — слово за словом, водя по странице лупой. Пока старушка не начнет хватать пассажиров за рукава и причитать про Иисуса, Небеса, грешников и ад, никто на нее и не глянет. На исходе лет многие обращаются к религии. Как только смерть начинает маячить на горизонте, люди бросаются читать Библию или буддийские писания. Вот если бы пассажирка принялась читать цитатник Конфуция или Мэн-цзы, демонстрируя изощренное интеллектуальное любопытство, или, что еще более неожиданно, особенно для пожилой женщины, держала бы в руках труды

Платона, Гегеля, Канта, Спинозы, а то и, упаси боже, «Капитал», это привлекло бы к ней удивленные взгляды. И многие задались бы вопросом, а действительно ли она понимает смысл написанного.

Но поскольку ни внешность, ни поведение пассажирки не выбивались за рамки базовых норм, следования которым от нее ожидали окружающие, женщина, не привлекая излишнего внимания, сидела, склонив голову, и читала Библию через увеличительное стекло. В какой-то момент она подняла взгляд, чтобы посмотреть на пассажиров, находившихся наискосок через проход.

Там спиной к ней стоял мужчина лет под шестьдесят. Он как будто задремал, держась за свисающий сверху ремень. Черные кончики его седых волос свидетельствовали о том, что ему, похоже, некогда покраситься заново. Мужчина был одет в темно-коричневую кожаную куртку, черные брюки-слаксы и потрепанные черные ботинки от Феррагамо. На ремешке вокруг запястья болталась кожаная папка — такие папки, набитые документами и счетами, обычно носят коллекторы, работающие на нелегальных ростовщиков. Некоторое время пассажирка не сводила глаз с мужчины, которого мотало взад-вперед вместе с поездом.

Тут задремавший внезапно очнулся. Похоже, от неловкости момента он вдруг уперся пальцем в лоб сидевшей напротив него

девушки. Та ошеломленно взглянула на него, потом нахмурилась и вновь уставилась в телефон. Но мужчина второй раз ткнул ее в лоб пальцем, на сей раз с большей силой. Окружающие поначалу приняли девушку за его дочь или невестку, но скоро стало очевидно, что они не вместе.

— Что вы делаете, *аджосси*¹? — обиженно спросила девушка.

В ответ мужчина возмутился:

— *Аджосси*? Да как ты смеешь так со мной разговаривать, когда сама расселась тут и уставилась в телефон, а пожилой человек должен перед тобой стоять?

Люди начали перешептываться.

— Я беременна, — спокойно возразила девушка. После этого все окружающие, включая женщину с Библией, невольно обратили взгляды на ее живот. Однако свободный наряд не позволял определить, говорит ли девушка правду, хотя вид у нее был усталый, а лицо отекло.

Мужчина не унимался и, прочистив горло, продолжил:

— Вы, молодые девицы, больше не желаете выполнять свой долг. Не выходите замуж, не рожаете детей, а только болтаете про беременность, когда вам это выгодно. Думаешь, я не отличу беременную от толстухи, разожравшейся на жареной курятине и свиных

¹ Уважительное обращение к старшему мужчине. —
Здесь и далее примеч. пер.

ножках? Да будь ты и вправду беременна, думаешь, ты первая? Будто кроме тебя никто никогда не рожал. — С каждой фразой скандалист тыкал девушку в лоб, игнорируя ее попытки отвести в сторону его указующий перст.

Девушка оглянулась вокруг в поисках поддержки, но все мужчины среднего и пожилого возраста, сидевшие поблизости, прикрыли глаза, притворяясь спящими.

Тогда она шлепнула мужчину по руке и закричала:

— Хватит ко мне придирааться! Говорю же, я беременна! Лучше бы попросили одного из мужчин уступить вам место.

Скандалист огляделся и, убедившись, что никто не придет ей на помощь, стукнул девушку по голове.

— Как ты смеешь врать про беременность и так разговаривать со старшими?

Голова девушки отлетела назад, ударившись о стекло. Несчастливая принялась хныкать, хотя ей, похоже, не было особенно больно. Наконец женщина лет пятидесяти, сидевшая через проход рядом с местами для матерей и беременных, поднялась и тронула мужчину за плечо:

— Вон там есть свободное место.

Мужчина заворчал, изображая снисходительность, потом уселся и, скрестив руки на своей папке, закрыл глаза. Женщина подошла к пострадавшей девушке и похлопала ее по плечу:

— *Агасси*², то есть мамочка, не плачь. Не стоит расстраиваться из-за ерунды, особенно теперь, когда у тебя скоро будет малыш. — Женщина понизила голос: — Не огорчайся, не все люди такие. Этот мужчина еще даже не старый, он просто хотел...

Как раз в тот момент, когда объявили, что поезд приближается к очередной остановке, девушка вскочила и принялась кричать:

— Но мне-то приходится иметь с ним дело! Пусть даже все остальные не такие!

Тот, о ком шла речь, не мог так стремительно заснуть, однако глаза его оставались закрытыми, словно он и не слышал ничего. А девушка, отмахнувшись от проявившей сострадание женщины, ринулась из вагона на платформу. Непонятно было, то ли это ее остановка, то ли бедняжка просто решила, что с нее хватит.

Двери закрылись; пятидесятилетняя женщина, пошатнувшись, заняла вновь освободившееся место. Окружающие, бросавшие неодобрительные взгляды на скандалиста, уже забыли об инциденте.

Пожилая пассажирка тоже возобновила чтение Библии. Поскольку она изо всех сил старалась не привлекать внимания, женщину не мучили угрызения совести из-за того, что она не вмешалась. Она не сдвинулась бы с места даже в том случае, если бы никто не вступился за беременную, а просто продолжила бы

² Обращение к девушке.

незаметно наблюдать за расстроенной, рыдающей девушкой и ее обидчиком.

Через пять остановок, когда объявили следующую станцию и сведения о пересадках, мужчина открыл глаза и встал. Пожилая женщина спрятала Библию обратно в сумочку, засунула лупу в рукав и тоже поднялась. Она пристроилась непосредственно за скандалистом — не слишком близко, но так, чтобы между ними никто не смог протиснуться.

Поезд остановился, двери с тихим шипением раздвинулись. Однако двери на платформе не совпали с выходом из вагона, и, как часто случается на пересадочных станциях, наступил хаос: распахивая друг друга и не дожидаясь, пока все желающие сойдут, тетки с баулами начали проталкиваться внутрь к свободным местам.

Мужчина неожиданно замер как вкопанный. Рука с папкой потянулась к груди. Поскольку он перекрыл проход, окружающие принялись пихать и толкать его. По инерции он дернулся туда-сюда, и наконец его вынесло на платформу.

— Прочь с дороги! — кричали другие пассажиры, пытаясь обойти его, но мужчина продолжал блокировать движение толпы. Молодой человек, спешивший на пересадку, извернулся, чтобы не задеть его длинной спортивной сумкой, висевшей на плече. Но поскольку парень оказался слишком крупным

и высоким, край сумки все-таки шлепнул мужчину по голове.

— Ой, простите! — оглянулся парень, но мужчина уже лежал ничком на платформе, подмяв под себя папку. Побледнев, молодой человек с сумкой начал озираться по сторонам, всем своим видом показывая, что он тут ни при чем.

Однако люди с озабоченным видом продолжали свой путь, и даже те, кто остановился поглазеть издали, не проявили никакого участия. Они лишь осуждающе смотрели на легкомысленного парня, давая ему понять, что он должен понести ответственность за случившееся. В итоге молодому человеку пришлось присесть рядом с жертвой и поинтересоваться:

— У вас все нормально?

Парень потряс упавшего за плечо, и только тут до него дошла вся тяжесть положения, в котором он оказался.

Подросшие социальный работник и служащий станции перевернули упавшего мужчину на спину. На фоне синюшного лица его застывшие распахнутые глаза напоминали бездонные туннели, вобравшие в себя темноту конца света. Поскольку теперь он лежал лицом вверх, никто еще не заметил сзади на кожаной куртке аккуратные линии разрезов.

Зайдя в последнюю кабинку в туалете, она отмотала длинный кусок туалетной бумаги,

скомкала его, быстрыми движениями стерла остатки яда с короткого клинка и спустила бумагу в унитаз. Дома она наденет хирургические перчатки, чтобы окончательно избавиться от препарата. Тот относился к группе цианидов и, попав в кровоток, за считанные секунды вызывал паралич, так что при работе с ним приходилось проявлять осторожность, использовать защитные перчатки и быть крайне внимательной. Особенно если учесть, что в последнее время у нее начали дрожать руки. Она сложила лупу, в которой был спрятан клинок. Линза отразила упавший луч света, и он заметался по металлической поверхности стен кабинки. Женщина поскорее спрятала лупу в сумочку, пока девицы за дверью, которые мыли руки и болтали по телефону, не заметили вспышку света.

Потом она вышла из туалета и направилась к выходу. Чуть не столкнувшись с группой мужчин, она едва не потеряла равновесие, но удержалась и благополучно их миновала. Вниз по лестнице пронеслись рабочие в оранжевой униформе и перелетели через турникеты. Порыв воздуха, поднятый ими, шевельнул подол ее плаща.

Когда завершаешь задание в людном месте и заворачиваешь за угол...

«Разве я не говорил тебе, что нельзя замедляться и прижиматься к углам, что надо сделать большой-пребольшой круг? Ты можешь столкнуться с кем-нибудь или уронить

что-нибудь. И этим на весь мир объявишь: вот вам на блюдечке все доказательства...»

Она помнила его лицо во время того разговора, будто это было вчера, поэтому выбрала самый запутанный маршрут до дома, какой только возможно: поднялась на улицу из метро, вернулась назад на квартал до автобусной остановки и там уже села в первый подъехавший автобус. Женщина сошла у станции метро самой дальней линии и направилась домой кружным путем по самому длинному маршруту, на который хватало сил. Петля по улицам, раскинувшимся вокруг, словно сеть тонких линий на ладони, она не спеша двигалась к нужной точке сквозь зияющую темноту.